

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

М. В. ПАНОВ

ТРУДЫ
ПО ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ТОМ 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

М. В. ПАНОВ

ТРУДЫ
ПО ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ТОМ 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2007

ББК 81.031
П 16

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16133

Панов М. В.

П 16 Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 848 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-9551-0190-X

В двухтомнике М. В. Панова «Труды по общему языкознанию и русскому языку» собраны работы, отражающие многогранность научной деятельности ученого. Это статьи, а также отрывки из коллективных монографий, руководителем и вдохновителем которых был Михаил Викторович. Многие из публикуемого давно стало библиографической редкостью, например, содержащий глубокие новаторские идеи теоретический проспект монографии «Русский язык и советское общество», опубликованный в 1962 г. в Алма-Ате тиражом 550 экземпляров.

Название разделов в двухтомнике отражает сферу научных интересов М. В. Панова, однако распределение его работ по предлагаемым разделам носит по необходимости условный характер. Так, статья «О частях речи в русском языке» помещена в раздел «Общие вопросы теории» (1-й том), а «О членимости слов на морфемы» — в раздел «Морфология и словообразование» (2-й том), хотя обе эти статьи разрабатывают теорию грамматики. Мысль М. В. Панова не укладывается в жесткие рамки любой рубрики. У него нет чисто описательных работ. Все его работы носят теоретический характер.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0190-X

© Е. А. Земская, С. М. Кузьмина, редактura, 2007
© Языки славянской культуры, 2007

Оглавление

Личность.....	9
---------------	---

IV. Вопросы теории

Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка.....	17
О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в.	23
О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы)	43
Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики.....	63
Из Проспекта коллективной монографии «Русский язык и советское общество».....	85
Словообразование	85
Словоизменение	122
Синтаксис.....	144
Фонетика.....	158
Письмо (графика и орфография).....	171
Стилистика.....	176

V. Морфология и словообразование

Фрагменты из монографии «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка».....	197
Аббревиация	197
Степени членимости слова на морфемы	203
О членимости слов на морфемы	207
О степенях членимости слов	218
О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л. Кэрролла.....	223
О наложении морфем.....	233
Предсказуемость алломорфа.....	242
О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии.....	250

О «скрытых» грамматических значениях	260
О значении вида у глагола	265
Об изучении русского словообразования	269
Отношение частей речи к слову	282
К проблемам грамматики современного русского литературного языка	286

VI. Преподавание русского языка

Лингвистика и методика преподавания русского языка	305
Усложнить, чтобы упростить	322
Два анализа? Об изучении состава слова в школе	329
О способе определения однокоренных слов	337
Об изучении русских падежей в национальной школе	342
Числительное в новом учебнике	359
Типология лексических ошибок, вызванных взаимодействием языковых систем	373

VII. Поэтика

Ритм и метр в русской поэзии	387
Ритм и метр в русской поэзии. Статья вторая. Словесный ярус	423
Из рассказов о русском стихе. Тактовик	446
Рассказы о русском стихе. Пиррихий	464
Рассказы о русском стихе. Цезура	472
Рассказы о русском стихе. Логаэдический стих	485
Сочетание несочетаемого	496
Даниил Хармс	525
Сценическая речь и театральные системы	551
Фонетика поэзии	567

VIII. История отечественного языкознания

О «Российской грамматике» А. А. Барсова	587
О преподавании «Истории отечественного языкознания»	601
Московская лингвистическая школа: 100 лет	615
Из истории изучения русской фонетики	647
Из истории отечественного языкознания 20—40-х гг. Н. Ф. Яковлев (1893—1974)	707
[Рецензия на кн.:] Ф. Д. Ашнин, В. М. Алтатов. «Дело славистов». 30-е годы. М.: Наследие, 1994	715

Значение трудов Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново для становления фонологии	724
Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова	730
Д. Н. Ушаков. Жизнь и творчество	742
Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине	776
Александр Александрович Реформатский	789
Р. И. Аванесов — фонолог	802
Фонологические взгляды К. В. Горшковой	813
О теории русской интонации Е. А. Брызгуновой	818
Список трудов М. В. Панова	823
Summary	835
Contents	836

Личность

«Человек он был». Эта цитата из «Гамлета» — своего рода пароль, необходимый для того, чтобы войти в мир Панова, адекватно воспринять созданное им как ученым и как литератором.

В науке нет абсолютных авторитетов, любая концепция не только может быть оспорена, но и объективно нуждается в испытании противоположной точкой зрения. «Каждый человек имеет право на несогласие» — любимое изречение Михаила Викторовича.

В литературе, в искусстве в целом нет и быть не может монополии на художественное совершенство — ни у отдельного творца, ни у стилевого направления. «Победитель будет побежден» — так Панов объяснял сущность литературной эволюции в своих лекциях по истории русской поэзии.

Но вечно-незыблемые ценности существуют, и связаны они прежде всего с человеческой природой. Свободное развитие личности — вот идеал, опровергнуть который невозможно, а практически реализовать в своей жизненной практике удастся очень немногим. Феноменальность Панова — в том, что он непрерывно развивался как личность. В юные годы он задался вопросами, ответы на которые искал и находил до последнего дня. В семьдесят лет он ощутимо отличался от себя шестидесятилетнего, его взгляды изменялись, оценки уточнялись. На восьмом десятке лет он сохранял чувствительность и любопытство к новым научным и философским идеям, к литературно-эстетическим веяниям конца XX столетия. Эта особенность его личности и его многогранной деятельности поистине беспримерна.

Панов любил образные аналогии со световым спектром. Даже системные эпохи в истории русского произношения он обозначил цветами радуги — от «пурпурной» (книжный язык первой половины XVIII века) и «лиловой» (бытовой язык того же периода) до «оранжевой» (речь старшего поколения в XX веке) и «алой» (речь младшего поколения в XX веке). И его личность, его биография, вся совокупность его научных и литературных произведений — это целый спектр, насчитывающий не менее семи ярких цветов (а оттенков, конечно, еще больше).

Эстетик. Поэт. Языковед. Литературовед. Педагог. Организатор научно-исследовательского процесса. Гражданин.

Продолжим разговор в этой последовательности, имея в виду, что базовая, языковедческая составляющая пановского спектра с достаточной полнотой охарактеризована Е. А. Земской и С. М. Кузьминой в предисловии к первому тому настоящего издания.

«Эстетик». Само это слово в наши дни малоупотребительно, поскольку немногие исследователи умеют сосредоточиться на сугубо эстетической сущности изучаемых явлений, не впадая ни в политиканство, ни в спекулятивное философствование, ни в щеголяние новомодными «точными» методами. Панов всегда подходил к литературному тексту с точки зрения его эстетической специфики, ощущая и фактуру материала, и направление творческой трансформации, художнического усилия. Это обуславливало внутреннюю цельность и системность всех эстетических оценок Панова, в которых он был поразительно независим от сложившихся иерархий. Панов обосновал чрезвычайно плодотворную и эвристически ценную категорию *предельности* произведения: если возможности данного материала реализованы художником до предела, то его творение уже не может быть «превзойдено», оно не может быть «хуже» другого произведения, каким бы шедевром то ни являлось. Истинные, «предельные» создания поэтов и прозаиков составляют открытый для продолжения ряд равноправных эстетических ценностей. И это, конечно, относится не только к художественной словесности. Панов всегда проявлял интерес к другим видам искусства, особенно изобразительного. Ему был чужд «литературоцентризм», он признавал за музыкой, театром, кино, живописью самостоятельную специфику, особенный «язык», уже в метафорическом, а не в буквально лингвистическом значении. Так, для живописи языком являются линии и краски, для театра — жесты и зрелищность. Панов с удовольствием вникал в эти языки, увлекался театром Мейерхольда, русским художественным авангардом.

Ярким новатором предстает Панов в своем поэтическом творчестве. В поэзии ему особенно близки были футуристы, и в первую очередь — Велимир Хлебников. Панов не подражал Хлебникову (да это и невозможно в принципе), а воспринял идущий от этого поэта творческий импульс — бесконечной свободы слова и стиха, сочетания отважной сложности с не менее смелой простотой высказывания. Как и Хлебников, Панов писал в основном свободным стихом (верлибром), не стесняя себя строгими размерами и обязательной рифмой. Именно в такой форме нуждался индивидуальный язык поэта. Именно свободный стих стал для него естественным способом формулирования мыслей и выражения чувств.

Вот фрагмент из сложенного Пановым на войне стихотворения «Ночью». Двадцатидвухлетний лейтенант рассказывает об артиллерийских буднях, о книге Блока, которую он постоянно носил с собой, вспоминая знаменитые и

написанные, кстати, верлибром строки «Она пришла с мороза покрасневшая...»:

Натаскиваю, натягиваю шинель, чтобы укрыться с головою.
Рвет ветер! Ко мне сочатся его ледяные потоки.
Медленно вырастает звук порывистый и воющий:
«Мессершмит»? Или может... нет, не «фокке-вульф».
Думаю о судьбе русского свободного стиха:
будущее — за ним. И совсем не бескрылый,
не безвольный, вранье: это стих глубокого дыхания,
яркости, крутизны. Блок давно уже это открыл.

Свободный стих не причуда, он вызревает в недрах русского языка, особенно разговорного. Он открывает возможность рассказа честного, доверительного, эмоционально доходчивого. Военные верлибры Панова мгновенно создают эффект читательского присутствия и даже соучастия в событиях. Вместе с тем Панов не чурался и стиха метрического, наращивая мощь интонации преодолением барьеров и плотин строгих форм. Так работает у него сонет, полностью освобожденный от декоративности и условности. Традиционно-пятистопная строчка вдруг становится смысловой вспышкой: «Я мир считал своим. А он — ее» — это из стихов, написанных на смерть матери. Рифма же здесь предстает не профессионально-стихотворческой обязанностью, а будто впервые обретенным способом преодоления дискретности, дробности мира:

Обуза дел отпала; белый шнур
Сгорел, свистя, — и сухо мрак рванулся.
Освенцим дня умолк, и Орадур
Угрюмыми огнями огрызнулся.

А у тебя? Счастливый день очнулся,
Залит росой? Или безлюдно-хмур
И тягостен, мрак ночи развернулся
Тебе горя из черных амбразур?

«Стих — это человеческая речь, переросшая сама себя» — это определение Ю. Н. Тынянова (ученого и писателя, чрезвычайно близкого Панову по научно-эстетическим взглядам) в полной мере относится к поэтическому языку Панова.

Как литературовед Панов выступил непосредственным продолжателем методологической традиции ОПОЯЗа. Ориентация на научный опыт Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума, раннего Jakobsona была у него осознанной, а «формальный метод» — точкой отсчета подлинной научности в исследовании литературы. Глубокие теоретические прозрения «формалистов» во многом

опирались на творческую практику русского авангарда. При всей широте своего эстетически-вкусового диапазона именно в новаторской поэзии первой трети XX века находим наиболее благодатный материал для постижения общих законов литературы как таковой и логики ее историко-эволюционного развития.

С Тыняновым, Шкловским и Jakobсоном Панова сближал страстный интерес к Хлебникову, многолетние наблюдения над языком которого отражены в статье «Сочетание несочетаемого». Не меньшую эвристическую значимость для ученого имела «экстремальная» поэтика Хармса. В посвященной легендарному обэриуту статье Панов обозначил перспективные методологические принципы построения научной истории русской поэзии XVIII—XX веков. Пановские мысли о «самодвижении» поэзии во многом перекликаются с тыняновской идеей о том, что литературная преемственность есть прежде всего борьба. При этом для Панова важна еще и самодостаточность художественных явлений, не отменяемая эволюционным процессом: «Каждый мир — самоценное совершенство и вместе с тем — возможность продолжения в новом, ином поэтическом мире».

Панов усвоил и последовательно применил лежащую в основе опоязовской эстетики антитезу «материал — прием». Может быть, такой специфический подход к художественным явлениям в принципе доступен только людям творчески одаренным, какими были лидеры ОПОЯЗа — писатели-ученые, являвшиеся одновременно и «ихтиологами», и «рыбами». Как и они, Панов сочетал четкую научность с глубоким пониманием предмета «изнутри». Исходным для Панова с самого начала было принципиальное положение «формалистов» о том, что «мысль» в искусстве есть «материал». По этой причине он был критически настроен по отношению к структурно-семиотической школе, подменявшей эстетическую сущность искусства «знаковостью», которая для Панова была лишь свойством материала, свойством, присущим и многим нехудожественным явлениям. Не будет преувеличением сказать, что Панов в одиночку пронес научную эстафету опоязовской традиции и передал ее XXI веку — и в своих опубликованных трудах, и в имевших огромный публичный успех лекциях по истории русской поэзии в МГУ.

Особо следует сказать о новаторском вкладе Панова в теорию стиха. Стиховедческий аспект в его трудах был всегда органично включен в общую систему поэтики, отсюда — широкий взгляд на ритмику, охватывающий и ритм образа, и ритм композиционный. Статьи Панова о ритме и метре, его доходчивые «Рассказы о русском стихе» основаны на принципиально новом подходе к предмету. Панов видел в стихе соотношение (а порой и столкновение) *стопной* и *тактовой* организации. С тактовиком (в пановском понимании термина) по-своему граничит и верлибр. Такая типология стиха — это развитие идей тыняновской «Проблемы стихотворного языка». В ее свете яв-

но устаревшим видится противопоставление «классических» и «неклассических» размеров, не очень нужной оказывается громоздкая статистика и процентные данные. В своих обобщениях Панов опирался не на «валовой продукт» поэзии, а на эстетически значимые стиховые закономерности. У такого подхода к стиху большое будущее.

Продолжать дело Панова сегодня — значит преодолевать ведомственные границы между языкознанием и литературоведением, между филологией и литературой, перепрыгивать барьеры между системностью культуры и хаотичной непредсказуемостью живой жизни, между строгим познанием и артистичной игрой. Книга Панова «Позиционная морфология русского языка» оканчивается главами «Окно в лексику» и «Окно в синтаксис». Вся работа Панова — это непрерывное открывание таких новых окон. От факта к обобщению, от уровня к уровню, от позиционного чередования звуков до закономерной смены художественных систем — такова духовная вертикаль, выстроенная ученым. И в стройности этой познавательной системы отражается гармоничность личности филолога и поэта.

Очень личностной, неповторимо-индивидуальной была и общественно-политическая позиция Панова. Он не принадлежал к активным «антисоветчикам» и диссидентам, мог порой критически оценивать шаблонно, нетворчески мыслящих «прогрессистов» («Они просто перешли в другое стадо», — говорил он в таких случаях). Но сама человеческая натура Панова, его научные и эстетические убеждения не могли не вступить в решительное противоречие с советским тоталитаризмом. Андрей Синявский на судебном процессе 1966 года говорил, что у него с советской властью «стилистические разногласия». Для Панова (кстати, написавшего в Кремль письмо в защиту Синявского и Даниэля), разочарование в социалистических идеалах тоже началось со стилистики. Михаил Викторович рассказывал, как его отец, интеллигент с дореволюционным воспитанием, находил в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» грубейшие речевые ошибки и саркастически их комментировал. А много лет спустя Панов вступил в непримиримый конфликт с чиновными конформистами, для которых властная конъюнктура была важнее и ценнее, чем русский язык и великая русская словесность. Михаил Викторович вспоминал о том, как, защищая своих вольнодумных коллег, разговаривал с академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР М. Б. Храпченко. Тот, будучи циничным, но неглупым чиновником от науки, искренне не мог понять, почему эти наивные языковеды выступили против ввода советских войск в Прагу: «Чего они хотят добиться? Есть армия, есть органы. Лбом стену пытаются прошибить!».

Этот эпизод вспомнился еще и потому, что вскоре вслед за ним последовал уход Панова из академического Института русского языка. Это нанесло

огромный ущерб не только отечественному языкознанию, но и всей филологической науке, всей гуманитарной культуре. Именно Панов, со своей научно-культурной универсальностью, призван был возглавлять Отделение литературы и языка, вдохновлять коллективные научные исследования — как лингвистические, так и литературоведческие. Уверен, что тогда наша наука смогла бы активнее воспользоваться преимуществами перестроечной эпохи, что не произошло бы того понижения общественно-духовного статуса филологии, о котором мы вынуждены сегодня говорить.

А свой индивидуальный жизненный и научно-творческий путь Панов прошел достойно и плодотворно. Он не раз примерял к своей судьбе известный афоризм Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал» (понимая его не в узкорелигиозном, а в широком гуманистическом смысле). Панов был личностью философского масштаба. Это можно сказать отнюдь не о каждом большом ученом и не о каждом талантливом литераторе. Это редчайшее качество, которое не только делает неизменно интересными написанные Пановым книги, статьи и стихи, но и укрепляет в их читателе веру в человека как такового.

1920 — 2001. Даты жизни Михаила Викторовича Панова символичны. Он человек двадцатых годов двадцатого века — с их авангардной мечтательностью, конструктивно-созидательным мышлением, творческим отношением к классической традиции. Вместе с тем он успел перешагнуть рубеж тысячелетий, заглянуть в двадцать первый век, в котором его идеям и его наследию суждена долгая жизнь.

Вл. Новиков

Часть IV

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка *

В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе — того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они — постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту. Но ввиду отмеченной их особенности — разрешение данной конкретно выраженной антиномии в языке данной эпохи не означает ее коренного преодоления — целесообразно эти противоречия выделить среди других диалектических противоречий. Это и достигается обозначением их с помощью слова *антиномия*.

Какие же это антиномии?

1) Антиномия говорящего и слушающего. В интересах говорящего упростить высказывание мысли, в интересах слушателя упростить процесс восприятия высказанного. Эти два устремления часто оказываются конфликтными. Например, аллегровое произношение удобно для говорящего, но для слушателя оно приемлемо лишь в некоторых условиях речевого общения: при возможности переспросить, в обстановке, когда нет сильных звуковых помех, например, шума многолюдного собрания. В интересах говорящего пользоваться всем привычным для него словарем, независимо от его общеупотребительности; слушатель «не принимает» некоторых слишком индивидуальных словоупотреблений. Следовательно, интересы слушателя ограничивают интересы говорящего; развитие языка противоречиво, так как идет то в пользу слушателя, то в пользу говорящего; победа одной из конфликтных сторон впоследствии вызывает компенсацию для другой стороны (на-

---

* Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. С. 24—29.

пример, если достигнута бóльшая степень редукции флексий и тем самым удовлетворены интересы говорящего, то грамматикализуется место слова в предложении, чтобы возместить убытки слушателя).

Разумеется, и в интересах слушателя, и в интересах говорящего добиться взаимопонимания; поэтому упрощение высказывания возможно лишь постольку, поскольку оно не нарушает возможности взаимопонимания. Однако и при выполнении этого важнейшего требования, при полной обеспеченности взаимопонимания остается много разных возможностей высказать мысль с помощью языка. Одни из этих высказываний потребуют большего внимания слушателя, но меньше усилий говорящего — усилий, конечно, не только артикуляционных, но и по выбору слов, грамматических конструкций и т. д. Другие высказывания той же мысли, напротив, будут легки для слушателя, но и более обременительны для говорящего. Речь идет, таким образом, о том, насколько можно уменьшить «избыточную информацию» при языковом общении. Для слушателя важно не уменьшать ее ниже определенного порога, для говорящего это ограничение не актуально.

2) Антиномия узуса и возможностей языковой системы. Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе. Например, узус запрещает сказать *победу*, или *побежу*, или *побежду*. Можно использовать оборот *я буду победителем*, *я одержу победу*, *победа за мной*; но они слишком книжны, не годятся для непринужденной бытовой речи (и могут в ней употребляться только шутливо). Потребности языкового общения и запрещают и одновременно заставляют использовать эти формы (ведь строгое исполнение языковых запретов отвечает определенной потребности общения).

Указанная антиномия может рассматриваться как частный случай антиномии «говорящий — слушающий». Если говорящему надо сказать *победу* и он уверен, что слушатель принимает эту форму как нормативную, то ничто не может помешать ему употреблять именно ее (разве только «языковая совесть», т. е. представление о другом, отсутствующем слушателе, который осудил бы такое употребление).

Развитие языка постоянно определяется стремлением сохранить установившееся употребление языковых единиц и невозможностью ее сохранить.

3) Антиномия кода и текста. Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст. Между текстом и кодом существует определенная связь: стоит нам укоротить код (выбросить из него некоторые знаки), как, при прочих равных

данных, необходимо будет удлинить текст¹ (ср. двоичную систему исчисления: код состоит всего из двух знаков, но тексты, т. е. обозначения чисел, в этой системе длиннее, чем в десятичной).

Стремление упростить, т. е. укоротить, код и стремление укоротить, т. е. упростить, текст — антагонистичны. В истории языков может осуществляться одно из этих устремлений — пока не будет чрезмерно нарушено противоположное стремление; вслед за этим процесс идет обычно в противоположном направлении².

Иногда считают, что эта антиномия просто одно из выявлений антиномии «говорящий — слушающий», но вряд ли это так. Антиномия кода и текста часто проявляется так, что несходство интересов говорящего и слушателя не обнаруживается.

Один из опекунов русского языка горько сожалеет, что из современного русского языка уходят слова *шурин*, *деверь*, *золовка*, *сноха*; эти слова стали заменять описательными сочетаниями: *брат жены*, *брат мужа*, *сестра мужа*, *жена сына* и т. п. «Насколько глубоко это вошло в наш современный язык, видно

---

¹ Исключения из этого правила могут быть только в одном случае: если исключаемый кодовый знак избыточен, если он полный синоним другого знака. Например, исключение *ѣ* из русского алфавита не повлекло за собой удлинения текстов: буква *ѣ* — полный синоним буквы *е*. Если бы исключили, например, букву *б*, то передачу фонемы ⟨б⟩ пришлось бы осуществлять каким-либо сочетанием букв, т. е. тексты бы удлинились; это потому, что буква *б* не является избыточной в коде. Следует добавить, что сокращение текстов при удлинении кода (и их удлинение при сокращении кода) происходит лишь в том случае, если не увеличивается и не сокращается число объектов названия, которые передаются единицами данного типа. В последнее время появились слова: *скрепер*, *бульдозер*, *транзистор*, *телевизор* — код из слов увеличился; но так как эти слова появились не вместо каких-либо старых наименований для уже известных объектов названия, а, напротив, нужны были для обозначения новых объектов, то на строении текстов их появление никак не отозвалось.

² Противоречие между кодом и текстом иногда проявляется как антиномия структуры (строения единиц) и употребления. Структурно расчлененные единицы могут быть хороши во многих отношениях: они создаются из нескольких составляющих (слов или морфем), набор которых может быть невелик, т. е. код составляющих очень краток; комбинации этих составляющих, построенные по общим законам, могут полностью расчленять какое-либо лексическое поле (полностью заполнить матрицу): для каждого участка этого поля легко находится своя расчлененная единица. Такие расчлененные единицы легки для запоминания (они минимально идиоматичны), просты и удобны для формирования прямо в потоке речи. Но выигрыш в коде тяжело отзывается на длине текстов: чем меньше код составляющих, чем логичнее и последовательнее построены расчлененные единицы, тем они длиннее, тем труднее оперировать ими в речи, тем сильнее желание заменить их хотя бы и капризно-идиоматическими, нелогичными, но более краткими единицами.

из того, что даже писатели, которые, естественно, должны быть хранителями русского языка, стали избегать упоминания этих старинных русских слов или употреблять их неверно». «Даже такой знаток русского народного языка, как Демьян Бедный, допустил подобную ошибку. В стихотворении „Светлая исповедь“ он говорит о „бабушке Нениле, которая обращается то к свату Федору, то к шурина Вавиле“... Однако *шурин* — это брат жены!»³.

Возможно одно из двух: следует запомнить особые знаки — слова *шурин*, *деверь*, *сноха* и т. д., т. е. увеличить языковой код, хранящийся в сознании, тогда возможно экономное (однословное) обозначение понятий ‘брат жены’ и проч.; куски текста, отвечающие этим понятиям, окажутся краткими. Можно, напротив, не пользоваться этими словами, код сократится, но при этом тексты придется удлинять. Пока употребительность этих слов была высокой (в условиях патриархального семейного уклада), было предпочтительно первое решение; сейчас, очевидно, имеет преимущества второе, и бесполезны требования восстановить эти слова ради богатства русского языка. При этом существенно, что первое решение при частом использовании понятий ‘брат жены’ и проч. было выгодно и для говорящего, и для слушающего (экономило время того и другого), а сейчас и для того и для другого выгоднее второй путь (и тому и другому не нужно хранить в памяти редко употребляющиеся слова)⁴.

4) Важным стимулом развития языка является антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака⁵. Асимметричность заключается в том, что в структуре языкового знака означающее и означаемое находятся в состоянии перманентного конфликта: означающее стремится к приобретению новых значений, означаемое — к приобретению новых средств своего выражения. Данная антиномия, стимулирующая развитие любого яруса языковой системы, имеет особенно большое значение для развития грамматики. Грамматический строй наиболее последовательным образом складывается из бинарных (двучленных) корреляций, в значительной части которых соотношение отдельных членов отличается асимметричностью, которая выступает в двух основных разновидностях:

а) Два означающих относятся к одному и тому же означаемому, причем одно из них указывает на какой-либо признак означаемого, а другое не содержит подобного указания. Так, и *учительница*, и *учитель* могут служить названиями женщины, занимающейся преподаванием, но первое название указывает на пол (женский), а второе этого не указывает.

³ Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? Л., 1963. С. 90.

⁴ Победа названий типа *брат жены* (вместо *шурин*) в современном русском языке была стимулирована и внутриязыковой тенденцией к усилению лексического аналитизма.

⁵ См.: *Karcevsky S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Cahiers Ferdinand de Saussure*, 14. Genève, 1956. P. 18—24.

б) Одно означающее может относиться к двум означаемым, причем в одном случае оно не характеризует означаемого по определенному признаку, в другом случае оно отрицает наличие этого признака. Так, форма *теленки* в отличие от формы *телка* может обозначать детеныша коровы без указания на пол и может обозначать только самца⁶. Подобные взаимоотношения членов корреляций вызывают много изменений в грамматическом строе языка.

5) Антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной. Эту же антиномию можно характеризовать как противоречие между устремлением к регулярности единиц и, с другой стороны, к их экспрессивной выделенности. Информационная функция языка протезирует регулярности, однотипности единиц, экспрессивная, напротив, поощряет их нестандартность, выделимость в ряду других и идиоматичность в широком смысле слова.

В каждом ярусе языка есть единицы, подчиняющиеся какому-то общему правилу, и единицы, которые регулируются другим, менее сильным правилом. Постоянно действует тенденция уподобить слабую часть системы более сильной, подчиняющейся более общему правилу. Это — тенденция, стимулированная языком, в его чисто информационной функции. Если в языке есть агглютинативные и фузионные единицы, то неизбежно возникает стремление обобщить их или в сторону последовательной, полной агглютинативности, или в сторону полной фузионности.

Но такие устремления сталкиваются с противоположными — с постоянной тенденцией сохранить для экспрессивных целей выделенность, «отчужденность» некоторых единиц. Каждая единица языка имеет и чисто информационное, и (в той или иной степени) экспрессивное назначение; следовательно, эта антиномия определяет жизнь каждой единицы языка.

Все эти антиномии — внутренние стимулы развития языка и в качестве таковых отличаются от воздействия на язык непосредственно социальных факторов (т. е. от воздействий конкретных социальных условий бытования данного языка в данную эпоху). Сами эти стимулы саморазвития языка не асоциальны: они все определены сущностью языка как важнейшего средства общения. Однако они действуют во всех языках, в любую социальную эпоху, так как определяются или общими условиями речевого общения, речевого акта, или системным характером языка, поэтому их надо считать двигателями спонтанного развития языка.

Будучи двигателями языка в любую эпоху, в любых социальных условиях, внутренние антиномии не абсолютно безразличны к этим условиям. На-

---

⁶ Jakobson R. O. Zur Struktur des russischen Verbuns // Charisteria Guilelmo Mathesis quinquagenario a discipulis et Circuli Linguistici Pragensis sodalibus oblata. Praeae, 1932. S. 83—84.

пример, выбор развития языковых средств в пользу слушающего или в пользу говорящего как правило определяется самой системой языка: если она уже закрепила слишком много уступок говорящему, то неизбежен поворот в сторону интересов слушающего.

Но в этом выборе «установки на говорящего» или «установки на слушающего» могут иметь право голоса и социальные условия существования языка. В обществе, где играют ведущую роль публичные формы языкового общения (митинг, собрание, радиоречь, театр и т. д.), установка на слушателя будет, несомненно, более ощутимой, чем в обществе, где языковое общение замкнуто в круг только более или менее «приватных», уединенных, узкоадресованных речевых жанров. Огромное значение публичных речевых жанров в русском языке советской эпохи определило особую значимость «установки на слушателя» для многих языковых преобразований нашего времени.

Также и антиномия нормы и употребления, ускользающего от велений нормы, оказывается социально отзывчивой. В одних общественных условиях как правило побеждает норма, регламентация, а новшества узакониваются с огромным трудом; в других норма легко уступает речевому буйству (и иногда расшатывается под влиянием слишком нерегламентированного употребления). Русский язык советской эпохи показывает эти колебания особенно ярко.

Антиномию кода и текста в свою очередь нельзя считать безразличной к социальным воздействиям. В эпохи резкой демократизации языка эта антиномия в огромном большинстве случаев разрешается в пользу текста: носители данной языковой системы (в своем новом, более широком, более демократическом составе) охотнее идут на сокращение кода, даже если это ведет к удлинению текстов, чем к изменениям противоположного характера. Причины этого не вполне ясны; делались попытки определить, почему эпохи демократизации языка связаны именно с таким решением антиномии «код — текст», но эти попытки не очень убедительны. Очевидно, данный вопрос решат будущие исследования. Важно отметить, что в русском языке послеоктябрьской эпохи решение антиномии «код — текст» тоже идет как правило в пользу текста. Усиление агглютинации в словообразовании, усиление аналитизма в морфологии можно понять именно как стремление к сокращению числа кодовых единиц (вариантов морфем, словоформ) при увеличении отрезков текста, которые полностью определяют эти единицы.

Не безразлична к социальным условиям и последняя внутренняя антиномия — между стремлением к результатам и к экспрессивной выделенности единиц. В разные эпохи различна потребность в экспрессивных формах речи.

О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии)*

1

Понятие позиции является основным в современной фонетической теории. Введение этого понятия перестроило всю традиционную фонетику: более того, можно сказать, что только после введения понятия позиции и стала создаваться подлинно научная фонетика. Понятно стремление перенести учение о позиции в другие ярусы языкознания: в морфологию, синтаксис. Однако попытки построить грамматику на позиционной основе встречают ряд трудностей; зародилось даже подозрение: плодотворна ли позиционная интерпретация грамматики? Думается, плодотворна. Разочарования же иногда возникают потому, что учение о позициях переносится из фонетики в грамматику крайне упрощенно и механически. Ведь понятие грамматической позиции, по всей вероятности, сложнее, чем понятие фонетической позиции. Очевидно, что позиционность в фонетике представляет собой редуцированный вариант позиционности в грамматике.

Когда-то физика Ньютона претендовала на всеобщность; она стремилась объяснить все факты физического мира. Но оказалось, что она недостаточна для объяснения некоторых явлений; поиски выхода из этого тупика привели к созданию теории относительности. Формулы теории относительности при некоторых данных (при измерении скоростей, неизмеримо малых по сравнению со скоростью света) подвергаются упрощению и преобразуются в формулы Ньютона. Ньютонова физика оказалась лишь частным случаем, притом наиболее простым, физики Эйнштейна. Это закономерный путь в науке, который проходят и большие и малые открытия: сначала устанавливается частный случай какой-то общей закономерности, он пытается выдать себя за эту общую закономерность; начинаются мучительные попытки доказать повсеместность, всеобщую приемлемость этого частного случая. Частичную зако-

---

* Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 3—17.

номерность пытаются натянуть на все факты, и это понятно: ведь некоторые из фактов она прекрасно сумела объяснить. Но усилия напрасны. Выход можно найти не в попытках механически перенести частную формулу на все факты, а в преобразовании формулы, в поисках более сложной закономерности, которая при известных данных редуцируется до первоначально установленной простейшей закономерности. Очевидно, так дело обстоит и с поисками грамматических позиций. Существует позиционная система в грамматике; существует и в фонетике. Фонетическая — в упрощенной, редуцированной форме воспроизводит принципы системы грамматической (в этом и заключается, этим и ограничивается изоморфизм в языковых ярусах).

Плодотворным может оказаться такой путь поисков. Надо определить фонетическую позицию в наиболее общей форме. Эти наиболее общие черты фонетической позиции должны быть необходимыми чертами и грамматической позиции; но для описания ее они, очевидно, не окажутся достаточными, и возникнет задача дополнить определенные позиции, чтобы можно было применить их ко всем ярусам языка. Как проще всего можно определить фонетическую позицию? Позиция — это окружение. В словах *дом* и *дам* гласные [о, а] находятся в одной и той же позиции: у них тождественное окружение. Описание любой позиции можно свести к указанию на соседство звуков (контактное или неконтактное; при этом степень неконтактности должна быть в каждом случае строго определена); это не снимает проблемы суперсегментных единиц (ударений, интонаций, диэрем), но позволяет не учитывать их в определении позиции особо, как отдельный фактор, характеризующий позицию. Например, в словах *обижать* и *убежать* первые гласные находятся в одинаковой позиции: после потенциальной паузы (диэремы) перед звуковым отрезком [б'и'ж'ат'].

Простое указание на конкретное звуковое соседство, конечно, мало плодотворно и не принесет большой пользы в изучении закономерностей языка. Частные позиции необходимо обобщать. В словах *обижать* и *убежать* начальные гласные стоят не просто перед одинаковым звуковым отрезком [б'и'ж'ат'], а во втором предударном неприкрытом слоге¹. Следовательно, начальные гласные находятся в одной и той же позиции в словах: *обижать*, *убежать*, *учредить*, *обещать*, *изъявить* и т. д. Как обобщаются позиции? Позиция согласных перед [а] тождественна позиции согласных перед [о], потому что в обоих случаях возможны 34 согласных (и притом все они — те же самые). А позиция на конце слова уже иная: здесь возможны только 23 согласных.

Итак, чтобы определить позицию, надо: установить, в соседстве с какими единицами встречается одинаковый набор некоторых других единиц. Однако

---

¹ Возможно и еще более общее определение этой позиции.

такое определение фонетической позиции еще очень не полно. Описание языка можно считать полным, если указать не только основные закономерности сочетания единиц (синтагматика языка), но и основные законы чередования единиц (парадигматика языка). Закономерности чередования и закономерности сочетания единиц внутренне различны; одни не сводятся полностью к другим; поэтому каждое языковое явление должно быть рассмотрено и в цепи парадигматических, и в цепи синтагматических отношений.

До сих пор позиция рассматривалась здесь в чисто синтагматическом плане. Речь шла о том, как возможности выбора фонетических единиц определяются соседними звуками. Соседними названы были звуковые сегменты, которые предшествуют во времени данной, анализируемой единице или следуют за нею. Но можно взять и другой план изучения, не синтагматический, а парадигматический. Предположим, в речевой цепи выделен элемент *Z*. Как определить позицию, в которой находился *Z*? Надо выяснить, в какой степени выбор этого элемента обусловлен соседними элементами. Например, в позиции перед [т] в русском языке возможны 15 согласных. В других позициях их возможно гораздо больше — до 34. Ясно, что позиция перед [т] ограничивает выбор языковых элементов; не все 34 единицы сочетаются с последующим [т]. Поскольку речь идет о возможностях сочетания, постольку данная позиция характеризуется синтагматически. Эта характеристика свидетельствует о том, что какой-то элемент *Z*, найденный в данной позиции, противопоставлен не 33 другим единицам, а только 14.

Однако эта синтагматическая характеристика позиции еще не полна. Сопоставим сочетания [пт] (например, в слове *шептать*), [чт] (например, в слове *чтут*) и [кт] (например, в слове *кто*). В одинаковой ли позиции находятся здесь [п, ч, к]? Синтагматически — в одинаковой. Все они входят в число 15 единиц, возможных перед [т]; у всех у них нет здесь противопоставления по звонкости — глухости, по твердости — мягкости. Но [ч] и в других позициях не имеет противопоставлений по глухости — звонкости и по твердости — мягкости. Следовательно, в позиции перед [т] сохраняется максимально возможное в русском языке число различительных признаков у [ч]: позиция их не убавила. У [к] в других позициях (например, перед гласными) возможно противопоставление по глухости; это противопоставление у [к] в позиции перед [т] нейтрализовано, сведено к нулю. А противопоставлений по твердости — мягкости у [к] нет ни в одной позиции. Значит, положение перед [т] заставило звуковую единицу [к] потерять одно различительное свойство. Наконец, [п] в этой позиции потеряло два различительных свойства: противопоставленность по твердости-мягкости (перед [т] возможны только твердые губные) и по звонкости — глухости (перед [т] возможны только глухие). Надо сделать вывод, что положение перед [т] не одинаково для трех единиц —

[ч, к, п]. Одна из них в этой позиции сохраняет все свои различительные качества, другая теряет одно, третья — два различительных качества. Как это было установлено? Мы сопоставляем [ч] в данной позиции и в другой, имеющей иной набор звуковых единиц (именно — с той позицией, где этот набор максимален). Таким образом, мы синтагматический анализ дополнили парадигматическим — рассматривали звуковую единицу в контрастных позициях.

Синтагматический и парадигматический план в изучении позиции можно обобщить следующим образом: определить позицию — значит указать, какие черты звуковой единицы, заданные парадигматически, нейтрализуются в данной синтагме. Возможны два крайних случая. Ни одна черта единицы, заданной парадигматически, в данной позиции не нейтрализуется. Например, под ударением в русском языке различаются пять гласных; ни в одной другой позиции нет большего их числа. Значит, здесь полностью выявляются их парадигматические особенности. Это парадигматически сильная позиция. Другая крайность. В заударной позиции между мягкими (в аллегровой речи) возможен всего один гласный — типа редуцированного [и]. Одинаково произносятся заударные гласные предпоследнего слога в словах: *вынеси, выпряги, залито, высеки, челюсти*; в парадигматически сильной позиции их соответствия, входящие в те же парадигмы, отличаются друг от друга (*нёс, пряжа, лить, сек, челюстнóй*). В этой заударной позиции безразлично, к какой парадигме принадлежит данный гласный, т. е. связан ли он с ударным [о], или с ударным [а], или с ударным [э] и т. д. Качества гласного целиком определяются синтагматически. Такую позицию будем называть синтагматически сильной.

Итак, две крайности. Первая: звук, который мы находим в речевой цепи, не обусловлен синтагматически, а целиком определяется парадигматически, т. е. этот звук находится в парадигматически сильной и синтагматически слабой позиции. Примеры: гласные под ударением, согласные перед гласными /а/, /о/, /и/. Если бы все позиции в языке были такого типа, то отпала бы необходимость в понятии позиции. Ведь в любой синтагме количество возможных звуков было бы одинаково и набор их был бы функционально тождествен. Была бы налицо везде одна и та же позиция, т. е. ни одной. Вторая крайность: звук, который мы находим в звуковой цепи, не обусловлен парадигматически, а целиком определяется синтагматически, своим окружением; таким образом, этот звук находится в парадигматически слабой и синтагматически сильной позиции². Пример был приведен выше. Между этими двумя крайностями множество переходных случаев.

---

² Термины «парадигматически сильная позиция» и «синтагматически слабая позиция» нельзя считать синонимическими. Например, в сочетании *дочь бы* звонкое [ч]

В историческом развитии языка некоторые позиции превращаются из парадигматически слабых в сильные (или в менее слабые) или из синтагматически сильных в слабые (или в менее сильные).

Какова общая схема этого процесса? Возможны два пути: проследим их на конкретном (хотя и искусственном) примере. В сочетании [пт], как уже говорилось, [п] по твердости — мягкости находится в слабой позиции. Можно указать, что все это сочетание обладает единым целостным признаком, распространившимся на два сегмента, на две стоящие рядом единицы: твердостью, причем на [п] не приходится особой, отдельной твердости. По твердости — мягкости [п] здесь находится в парадигматически слабой позиции и в синтагматически сильной. Как может быть парадигматическая ослабленность превращена здесь в парадигматическую независимость? Первый путь: перед [т] станут возможны и мягкие и твердые губные³. Тогда, наряду с сочетанием [пт], станет возможным сочетание [п'т], и позиция по этому признаку станет для [п] сильной. Мягкость и твердость [п] или [п'] будут заданы парадигмой, а не синтагмой. Итак, позиция из слабой превращается в сильную (парадигматически), если в ней оказываются представленными порознь (особыми, отдельными знаками) те парадигмы, которые ранее были нейтрализованы, т. е. были представлены одним знаком. Но возможен и другой путь. Представим, что во всех позициях будет представлен только один звук [п], т. е. во всех позициях не будет [п']. В таком случае уже нельзя будет считать, что противопоставленность [п — п'] — свойство только данной синтагмы. Это тоже приведет к тому, что позиция для [п] в сочетании [пт] окажется сильной парадигматически в отношении твердости — мягкости: в этой позиции будет сохраняться парадигматически заданное безразличие к твердости — мягкости.

Возможны и другие пути превращения парадигматически слабой позиции в сильную; но для нас сейчас важны только эти два. Первый путь: увеличение числа возможных противопоставленных знаков в данном месте синтагмы (не только [п], но [п']). Второй путь: уменьшение числа возможных парадигм.

Говоря о позиции, мы упустили один очень важный момент. Если изучаются отношения в синтагме [пт], то важно, к какой большей единице относится это [пт]; все сопоставляемые сочетания должны относиться к большим единицам того же типа. Пример покажет, насколько важно это условие. Перед [т] возможно только твердое [п]: *птаха, оптом, ланпа* и т. д. Но этому

(т. е. [д̆ж']) указывает синтагматическую связь между согласными; для [ч] это позиция парадигматически сильная (не утеряно ни одно различительное свойство) и синтагматически сильная: «приобретено» свойство общей звонкости для всего согласного сочетания; [д̆ж'] свидетельствует, что далее следует звонкий шумный согласный.

³ Или в одних позициях только [п], в других — только [п'].

правилу противоречат сочетания [пт] в таких случаях: *топь тут глубокая; да не сыть ты мимо* и т. д. Здесь [п'] и [т] принадлежат разным словам (т. е. разным единицам более высокого порядка); поэтому и не осуществляется влияние одного согласного на другой. Оказывается, определяя позицию [п] перед [т], надо добавить: в пределах того же слова.

Итак, все синтагматические сопоставления должны быть даны в единицах тождественного типа. Эти единицы должны быть больше, чем единицы, непосредственно составляющие синтагму; например, изучая звуковые единицы [п] и [т], их сочетаемость, мы берем их в пределах слова. Слово может состоять из нескольких звуков; а звук никогда не состоит из нескольких слов; это и служит основанием, чтобы считать слово большей единицей, чем звук (несмотря на то, что возможны слова из одного звука). Но единица, в пределах которой сопоставляются меньшие единицы, должна обладать и еще одним свойством. В языке существует два взаимосвязанных плана: план значения (обозначаемого) и план звучания (обозначающего в узком смысле слова). Если изучаются синтагматические отношения звуковых единиц, то большая единица, в пределах которой находится синтагма, должна быть определена в плане единиц значения (например, слово, морфема); если же изучаются синтагматические отношения значимых единиц, то большая единица должна быть определена в плане единиц обозначающих, звуковых (например, сочетаемость морфем надо было бы изучать в пределах фонетического слова, т. е. такта: такт больше морфемы в том значении, какое было указано раньше). Это же требование относится к парадигматическим сопоставлениям. Чередование звуков можно установить только в пределах морфем и слов и т. д.⁴

Законы позиционного распределения относятся не только к фонетическим единицам и их сочетаниям, но и к единицам значения. «Смыслы» в языковой цепи дискретны; они прикреплены к определенным ее участкам. Можно было бы осуществить семантическую транскрипцию высказываний, в принципе совершенно подобную фонетической транскрипции. Отдельным смыслам присваиваются определенные знаки; если в речевой цепи попадают отрезки с одинаковым смыслом, то в транскрипции повторяется тот же знак (при этом одинаковость устанавливается, как и в фонетической транскрипции, с определенной эмпирически установленной точностью). При со-

---

⁴ Ср. очень показательный пример определения парадигматически сильной позиции на морфемном уровне в работе: *Сидоров В. Н.* Непродуктивные классы глагола в современном русском литературном языке // Рус. яз. в шк. 1951. № 5. С. 27—30. Изучаются морфонологические типы глагольных основ; поэтому они взяты в больших единицах (словоформах), определенных семантически: это формы 3-го лица мн. числа настоящего и будущего времени; формы прошедшего времени.

поставлении семантических транскрипций может оказаться, что отдельные знаки могут сопровождаться определенными знаками и не могут сопровождаться некоторыми другими знаками. Эти особенности сочетания знаков смысла дают возможность (используя ту же технику, которая применяется в фонологии) объединить некоторые знаки, заменив их знаками более высокой степени обобщения, из аллосем построить семантемы.

Итак, если дано сочетание *АВ* и надо характеризовать позицию *А*, то для этого: 1) следует выяснить, какие другие единицы, кроме *А*, могут сочетаться с *В*. Сопоставление между собою всех единиц, возможных в данной синтагме (т. е. перед *В*), позволит выяснить, какие различительные черты есть у *А* в изучаемой позиции; 2) при сопоставлениях, описанных в пункте 1, необходимо все сочетания единиц с *В* брать в единицах одного и того же типа; они должны быть больше, чем единицы *А* и *В*, и принадлежать к тому плану языка, к которому не принадлежат *А* и *В*; 3) следует выяснить, к какой парадигме принадлежит единица *А*. Сопоставление ее с другими членами этой парадигмы позволит определить, обладает ли *А* максимальным количеством различительных признаков, возможных для членов данной парадигмы; 4) при сопоставлениях, описанных в пункте 3, необходимо все члены парадигмы *А* брать в единицах одного и того же типа; они должны ответить условиям, указанным в пункте 2.

Здесь дано описание фонетической позиции в самом общем виде. В таком описании нет ни одного фонетического термина. Это дает основание попытаться применить указанное описание к изучению грамматических явлений; можно выяснить, в чем состоит недостаточность такого определения позиции для высших ярусов языка.

2

Морфологические образования *пришел*, *пришла* встречаются в одной позиции: *я пришел*, *я пришла*. Следовательно, это отдельные, позиционно независимые морфологические образования, «инварианты». В указанных сочетаниях они находятся в парадигматически сильной позиции. С другой стороны, есть синтагмы типа *он пришел*, *она пришла*; в каждой из них возможна только одна из форм. В этих синтагмах формы типа *пришел*, *пришла* находятся в парадигматически слабой, синтагматически сильной позиции.

Ввиду непротивопоставленности в этих позициях форм *пришел*, *пришла* они здесь лишаются парадигматического содержания; единственное назначение окончаний *-а* и нулевого — показывать связь одного члена синтагмы с другим, т. е. задача чисто синтагматическая. Это достаточно полная параллель к синтагматическим связям в фонетике. Н. С. Трубецкой верно указал на

то, что позиционные ограничения имеют свою синтагматическую функцию: позиционно зависимый член всегда указывает на качество члена, который вызвал зависимость, и поэтому всегда подчеркивает связи в ряду сочетающихся единиц. Итак, два ряда факторов: в синтагмах *я, ты, Григоренко, Милле, забияка, шимпанзе... пришел, пришла* формы с окончанием *-а* и с нулевым окончанием образуют отдельные парадигмы; выбор их не вызван позицией. Напротив, в синтагмах *она, Мария, Нелли, учительница, дочь, мисс, Кузьминична... пришла* и в синтагмах *он, Иван, учитель, Кузьмич, подмастерье... пришел* родовые формы глагола находятся в парадигматически слабой позиции.

Можно ли в фонетике найти полную аналогию этим фактам? Это сделать нетрудно. В сочетаниях [та, да] единицы [т] и [д] встречаются в одной и той же позиции и представляют разные парадигмы; звонкость и глухость согласных здесь не обусловлена позиционно и служит целям различения бóльших единиц. Но в сочетаниях [тпа] (например, в слове *отпасть*) и [дба] (в слове *отбавить*) те же [т] и [д] находятся в парадигматически слабой позиции и их звонкость или глухость является вынужденной. Следовательно, в каждом из сочетаний типа *он пришел, она пришла* налицо нейтрализация единиц, обусловленная позиционно. При этом в каждом случае позиционный заместитель совпадает с одним из инвариантов в сильной позиции (полная аналогия с приведенным раньше фонетическим примером).

Легко проверить, что наше описание позиции родовой формы глагола полностью отвечает предложенному ранее образцу таких описаний. Дано сочетание двух единиц *АБ*, т. е. *он пришел*; чтобы определить позицию формы *пришел*, надо выяснить, какие еще единицы сочетаются со словом *он*. Важно, что другие родовые формы не вступают в сочетание с *он* (в пределах большей единицы: предикативного словосочетания)⁵ (см. пункты 1 и 2 на с. 29). Следует принять во внимание парадигматические отношения, т. е. возможность у форм *пришел — пришла* в другой позиции быть самостоятельными показателями рода, взаимно противопоставляться (пункты 3 и 4)⁶. Отсюда следует в качестве вывода характеристика этих позиций. Следовательно, схема определения позиции, данная раньше, здесь нашла свое применение.

В каком направлении развивается описанная система позиций в русском языке? Давно отмечено одно важное изменение, которое сначала проникло в

⁵ При этом анализируемые формы определены по их морфонологическому составу: в исходе *-а* или ноль; бóльшая единица — по семантическому: предикативное сочетание.

⁶ При этом анализируемые формы определены по их морфонологической характеристике (форма с *-а*, форма с нулем после тождественных морфонемных комплексов), а бóльшая единица — по семантической: предикативные сочетания *я пришел, я пришла*.

просторечие, потом переключалось в разговорные стили литературной речи, а теперь утверждается в нейтральном стиле, в самой сердцевине литературного языка. Теперь говорят и пишут: *Доктор пришел* и *Доктор пришла*, *Председатель сказал* и *Председатель сказала*. В сочетании со словами типа *доктор*, *председатель* позиционная закреплённость форм *пришел*, *пришла* уменьшилась; вместо одной формы стали употребляться две. Поэтому в таких сочетаниях глагольные флексии *ноль* и *-а* перестали выполнять только синтагматическую роль, только указывать на связь единиц в речевой цепи, но наполнились и парадигматическим содержанием: независимо от подлежащего, они сами указывают на пол лица, которое совершает действие. Ранее было сказано, что превращение парадигматически слабой позиции в сильную возможно двумя путями: или в результате увеличения числа единиц в данной позиции, или в результате выравнивания элементов данной парадигмы в разных позициях. Здесь развитие шло первым путем.

С какими существительными возможны сочетания типа *Доктор пришел* (*пришла*)? Это слова мужского рода со значением лица. Если у слова мужского рода есть соотносительное с ним слово женского рода, то такого освобождения позиции не происходит; например, невозможны сочетания *учитель*, *ткач*, *доктор*, *поэт* *пришла*, так как есть соотносительные существительные: *учительница*, *ткачиха*, *докторша*, *поэтесса*. Но при словах *инженер*, *прораб*, *доктор* нет соотносительных существительных женского рода; поэтому-то и возможно сочетание *доктор* *пришла*. Сейчас стали неупотребительны (в стилистически нейтральной речи) слова *председательница*, *директриса*, *инспектриса*, *кондукторша*; поэтому и оказались возможны сочетания *директор*, *инспектор*, *кондуктор* *пришла*.

Итак, есть связь между освобождением единиц типа *пришел* — *пришла* (в определенной позиции) и строением единиц типа *учитель* — *учительница*. Надо дать позиционное толкование состава этих единиц. Есть морфологические отрезки: *учитель-*, *писатель-*, *ткач-*, *поэт-*... Обобщим эти отрезки, назвав их, например, *A*. К *A* могут присоединяться два зависимых элемента: B_1 — флексия *-а* с предшествующим суффиксом, который обусловлен этой флексией и характером основы; например, *учительница*, *писательница*, *ткачиха* и т. д.; B_2 — нулевая флексия (мужского рода). В одних случаях возможны оба сочетания: AB_1 и AB_2 (*учительница*, *учитель* и т. д.), в других возможно только одно AB_2 (*директор*, *инженер*). В последнем случае позиция после *A* (позиция зависимости от *A*) оказывается несвободной для чередования B_1 и B_2 . Вместо двух элементов оказывается возможным только один. Таким образом, после таких *A*, как *учитель*, *ткач* и пр., «словообразовательная» позиция для *B* парадигматически сильная; после же *врач*, *председатель*, *инструктор* позиция для *B* парадигматически слабая. Следовательно, слабая

позиция для грамматического элемента в пределах слова (для аффикса) вызвала здесь усиление грамматической позиции для конструкций типа *врач пришла*. Позиционная скованность в словообразовательном ярусе вызвала позиционное раскрепощение в ярусе словоизменительном.

* * *

В случаях сильного управления глагол требует определенного поясняющего слова в определенной форме. Отсутствие дополнения вносит изменение в семантику глагола (ср. *Он уже пишет и читает* = умеет, способен писать, читать). Естественно считать, что в последнем случае налицо нулевое дополнение, которое и преобразует семантику глагола. Кроме этих обязательных дополнений, связанных с глаголом с сильным управлением, существует множество возможностей связать с глаголом существительные при помощи так называемого слабого управления. Например, при каждом глаголе возможна форма твор. падежа с предлогом *с*, имеющая значение совместности (*он + глагольная форма + с кем-то*)⁷.

При сильном управлении одно слово определяет выбор парадигматической формы другого. В отличие от согласования, этот выбор определяет не флексия главного слова, а его основа. Она влечет за собой возможность и необходимость выбора определенной грамматической формы поясняющего слова; так как выбор возможен только один, то противопоставления падежей здесь нейтрализованы: формы род., дат., вин., твор. падежей в сочетаниях *боятся кого-то, нравятся кому-то, хвалят кого-то, интересуются кем-то* семантически тождественны. Пока мы находимся только в пределах русского языкового сознания, мы можем предполагать «естественность» распределения падежей при сильном управлении, но сопоставление с синонимическими конструкциями в другом языке (например, польском) покажет полную условность и опустошенность этих падежных форм.

Другое дело — так называемое слабое управление. Здесь форма зависимого слова не вызвана характеристикой главного, не определяется принадлежностью главного к определенной группе глагольных образований. Все это давно известно и освещено в ряде работ; я здесь повторяю это, крайне схематизируя факты, чтобы подчеркнуть принципиальную разницу между сильным и так называемым слабым управлением, которое в сущности не отличается от примыкания; связь между словами *сделал впопыхах* и *сделал с неудовольствием* в принципе одинакова.

---

⁷ Следовательно, сильноуправляемое дополнение стоит в позиции «после глагола» (или «при глаголе»), слабоуправляемое слово стоит в позиции «после сочетания глагола с сильноуправляемым дополнением» (или «при этом сочетании»).

Отношения в синтагмах *я пришел, я пришла* коренным образом отличны от соотношения в синтагмах *он пришел, она пришла*. В первом случае возможен выбор родовой формы в зависимости от общего содержания высказывания; во втором случае выбора нет: использование той или иной формы уже предрешиено выбором подлежащего. То же различие налицо и в случаях сильного и слабого управления. Глагол *интересуется* предрешиает выбор падежной формы существительного: *интересуется чем-то*; место сильноуправляемого слова должно быть непременно занято; другие же места («слабоуправляемые») не ограничены выбором форм; здесь возможно, как при любом другом глаголе, использование разных падежных форм, контрастирующих друг с другом и поэтому парадигматически полнозначных.

Синтагматически сильная позиция, т. е. с синтагматически обусловленной формой слова, для некоторых сочетаний со связью управления изменяется в парадигматически сильную, т. е. в такую, где форма слова обусловлена только парадигматически. Напомню модель подобного процесса в фонетике. В сочетании [пт] невозможно [п’], но оно возможно в других, сильных позициях и дает в них контраст по твердости — мягкости (ср. сочетания [п’а — па]). Следовательно, в сочетании [пт] налицо парадигматически слабая (и синтагматически сильная) позиция для [и]: это [и] не обладает всеми различительными признаками, на которые оно способно в других позициях. Превращение этой позиции в сильную состоялось бы в том случае, если бы [п’] исчезло вовсе, во всех позициях. Так дело обстоит и с падежными формами. Растет число имен, у которых нет форм косвенных падежей; они не встречаются в тех позициях, где обычны косвенные падежи. Разумеется, отсутствие косвенных падежей равно неизменяемости, т. е. непадежности слова. Перечислю несколько фактов.

1. Вместо того, чтобы говорить, как учат грамматические руководства, с *тридцатью пятью тысячами восемьюстами пятьюдесятью семью* сейчас обычна разговорная форма с *тридцать пять тысяч восемьсот пятьдесят семью*⁸. Склонение частей составного числительного упраздняется или становится менее строгой нормой.

2. Склонение: *этот Григоренко, этому Григоренке, этого Григоренку* и т. д. становится достоянием учебников, а в речи такие имена не склоняются.

3. В сочетаниях типа *Москва-река* (явно еще не ставших идиомами) первая часть имеет тенденцию перестать склоняться. Протесты пуристов не в силах помешать распространению этой тенденции.

4. Распространяются несклоняемые аббревиатурные существительные: *ООН, НАТО* и т. д.

---

⁸ См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947. С. 305.